На крепком столе крепла тлеющая чашка чая. Запашной аромат вырывался оттуда душистым запахом, и облетал всю комнату по кругу, одаривая приятную, и светлую обстановку легким аппетитом. Напротив, главного стола, как пить дать, находилось два шикарных кресла которых разделял столик. Их цвет к великой скорби оказался слишком неаппетитным, где-то на гране серого и белого. Легкие и мягкие спинные подушки сейчас прятались за спинами людей, из себя представляющих грушевидную женщину, в пухлом возрасте. Налитые красным губы резко контрастировали с жестоким и холодным взглядом, который мог ударить розгой. Это был тот самый типаж строгой секретарши на манер средних веков, какое он вообще имеет место быть. Женщина имела легкий выпирающий живот, что в облегающем, монотонном костюме только подчеркивалось. Однако никто, ни сидящий напротив неё, мудрый старец, ни рядом с ней, крупный мужчина, не посмели бы обозвать эту женщину и тенью слова «толстая», она была в том самом соку, где есть за что ухватиться.

Мужчина, рядом с отменной секретаршей, лобастый человек, не очень-то и походил под того, кто зовет себя аристократией или хотя бы магом. Слишком крупным был мужчина. Его тучный взгляд где-не-где, но падал на ближсидящую женщину. Отдергивая себя исключительными мыслями о ненужности нового романа на стороне, когда ещё не разобрался с прошлыми, плечистый мужичок бросил взгляд из-за плеча назад.

В самом конце комнаты, нет кабинета директора, в опасной близости напротив камина стоял широкий, такой же неприятный на вкус, цветной диван. На его мягкости могли умоститься до трёх таких же здоровенных мужика как тот, что сидел в кресле, и до пяти тех, что были как женщина. Однако на диване, развивая скуку банальным просмотром костра, сидела девочка мотыля ногами в такт биения собственного сердца.

Рядом с черноволосой девочкой — точно дочкой широкоплечего мужчины (у них сходилась родинка под губой), сидела другая, насупившаяся девочка. Её алые волосы собраны в два длинных и тонких хвоста, а форма несказанно печалила окружающих своей потрёпанной основой. На самой красноволосой видимых ссадин или ран не было, а вот одежды пострадали. Черноволосая имела похожие проблемы с одеянием, однако вела она себя как победительница в конкурсе «Мисс вселенная», и просто ждала своего кубка или грамоты, даже не представляя, что могли бы давать за этот конкурс, до того, девочка казалась недалёкой.

— Я так понимаю, больше никто не хочет чай, — самый старший, а по традициям всех современных штампов, ещё и самый сильный маг, обвел взрослых своим тихим взглядом. — дети, можете взять конфетку, если хотите.

Дабы хоть как-то оторваться от ежедневной рутинной волокиты с документами, директор, аки рождённый в пустошах Демонического Континента, радовался воде под названием «Громкий инцидент». В такие моменты, он позволял себе переговорить с глазу на глаз, с пострадавшими, лениво разменивая один глоток чая на целых пять иль десять минут. Нравилось старому магу заниматься «выбиванием» из остальных драгоценного времени, как плохая привычка курить папиросу у молодежи.

Потому и прослыл в школе директор, как самый настоящий «дедушка», ему не жалко, все равно эти инциденты, драки и прочее, завсегдатые разборки фракций или семей, уж никак не самих учеников. Он их лелеял и оберегал как статуэтки, или вот, как сорта чая в столе за вместительной тумбочкой.

— Прошу прощения, но мы не можем как-то побыстрее? — подался вперёд хмурый мужчина, беря в расчёт собственные запланированные встречи.

— Барон Коэн Рудэус, вы разве куда-то спешите? — как бы невзначай спросил директор приподняв седую бровь.

— Как бы да, — взяв новую высоту в ноте «Ля», Барон бросил быстрый взгляд на секретаршу, кабы пытаясь надышаться, перед очередным погружением в водоворот, и чуть тише продолжил. — прошу мою грубость, директор Арс, но у меня назначена встреча с Лордом Барнсом.

— Ах, лорд Барнс, — директор наклонился, над источником приятных запахов и ладонью, пригнал к себе отменные благовония. — помню этого мальчишку, все дебоширил, представляете, целую банду себе собрал. Не бывало так, чтобы за целый месяц, меня не посетил этот юноша…

«У старика приступ ностальгии!» По всем признакам именно подобную непочтительную глупость, Барон собирался высказать. Остановила его исключительная репутация директора магической школы и его связи.

Тогда же, сухие губы старика пустились в рассказ о знакомом всем лорде. Рассказывал, как о любимом внуке, и тон его бегал то вниз, то вверх, не считая изначальные ступени. Тяжело вздохнув, грудь могучего мужчины уменьшилась вдвое, а цепкий взгляд дамы справа от него, хлыстом ударил самого директора.

— Достопочтенный Арс, давайте оставим прошлое для более подходящего момента, — говорила женщина сдержанно, подстать своему одеянию. — лорд Барнс не придет в восторг, если узнает, что его гость запоздает на час или два из-за вас.

— Миранджа, ты так считаешь? — позволив себе улыбку, директор быстро стёр её с лица, оставляя по ней простодушную ухмылку. Все дело в том, как выразительно секретарша сузила свои волшебные глазки — точно змея, которая готовилась кусаться ядом. — и вправду, при таком раскладе, лучше не злить Лорда Барнса. Миранджа, душенька, напомни мне пожалуйста, с чего все началось?

К столу директора подскочила невысокая девочка — дочь Барона. Ей в ладошку упали несколько сладких конфет, и она молча утопала к себе назад, прямиком во взгляд Мари. Насупившаяся девочка закинула ногу на ногу, и качала носком. Завидев же дочку Барона, да не простую, а с победной улыбкой и горстью конфет, явилось естественным желание получить парочку, или хотя бы одну. Алые глазки говорили: «Дай», дочка Барона, же, совсем не подобая своему статусу, отказала, высунув язык.

Тогда Мари сложила руки крестом ещё больше закрывая собственную позу и резко отвернулась, возвращая взгляд на горящий камин. Ей не приходило в голову самой пойти взять сладкого, ведь не было ничего более страшного для гордой особы, чем клянчить что-то такое мелочное.

Взрослые же начали свою дискуссию, трогая недавний инцидент. Вещать вызвалась Миранджа как незаинтересованная сторона и учительница направившая девочек сюда, на выяснение.

— Случилось это на перемене, между пятым и шестым уроком, — как ведущая телепередачи, ей к полноте шарма не хватало микрофона в руке, пускай в этом мире подобного прибора нет, Барону Коэну это не мешало представлять, как её руки блуждают по его «прибору». — девочки подрались и первой, кто напал, была Мари из дома Латрей.

Директор важно кивал, и уж при слове Латрей, вспомнил и саму девочку и Клэр Латрей.

Старик Арс и старуха Клэр отлично пообедали, вспоминая былые времена, когда ей было двадцать, а ему всего-то сорок с чем-то. Приняв и обработав слова, рассеянный взгляд, до того, блуждавший по чистым углам потолка, вернулся к секретарше. За ней и сидели две девочки с разным настроением.

— Барон, вы хотите публичных извинений?

— Я хочу компенсацию за нанесенный вред.

— Не вижу никаких следов побоев, — синяков, ссадин или других признаков вражды не было, за исключением разве что, грязной формы у Мари, и аж никак у дочери Барона.

— Директор Арс, Барон Коэн Рудэус, если позволите я продолжу, — прозрачно намекнув, что её перебили, женщина цокнула языком, вновь ударяя холодным взглядом по директору. Она знала его хитрую натуру, знала и не жаловала подобного поведения, которое казалось ей максимально не педагогическим.

— Конечно, продолжайте, — выдавив из себя неловкую улыбочку, Барон внутри чертыхнулся, что так слишком рано высказал свои намерения.

— Так вот. По опросам свидетелей, которые в то время находились в коридоре, Мари взаправду кинулась с кулаками первой, однако, прежде чем это случилось, её провоцировали трое школьниц.

— Трое? — весело хмыкнув, директор поднял кружечку чая и выпил самую малость. «Она здесь одна», не нужно иметь в голове столько седых прядей, дабы осознать, что случилось. Это понимал Барон, директор и учитель (слэш) секретарь. Новенькая задрала нос, а бывалые его тут же подточили как мешающий обзору пик горы.

«Скорее всего зачинщица кто-то из высшей знати, не исключено, что это была дочь Лорда Барнса», если абстрагироваться от придурковатого отношения, которое то и дело всплывает в силу возраста, директор Арс был отличным интриганом своего времени, по другому ему никто бы не позволил дожить до своих почтительных веков. Ему как на ладонях представлялись все фигуры одноименной игры. К счастью это или к сожалению, но директор был лишь мелким наблюдателем, не имевшим права сделать шаг назад или вперёд.

— Да, две других девочки не участвовали в споре, сторонясь драки, — как и предполагал старик. Дочь Барона, которая сейчас беззаботно мотала ножками была всего-навсего обычной пешкой в руках кого постарше. Точно так же, как и сам Барон шёл по чужой, протоптанной заранее для него тропой.

— Понятно-понятно. Тогда же, уважаемая Миранджа, а может быть известно, какие слова применяли девочки по отношению к Мари?

— Это здесь неуместно, — вклинился широкоплечий мужчина как ему и велено, с повышенным тоном. Его беспокойство забавляло старого мага, а вот на диване испарилась беззаботность. Дочь Барона перестала с такой беспечностью есть конфеты, на что Мари удовлетворительно фыркнула, тайно ухмыльнувшись жестокой маской.

«Что бы в следующей ты нашла иголку», её мысли двигались отдельно от остального мира, и звучали… ужасно.

— Это неважно? — директор Арс приподнял бровь, кидая взгляд на секретаршу. Та легонько,

невероятно коротко кивнула. Любой другой, на месте старика даже не заподозрил бы неладное. — это и вправду неважно.

Складки над широкими бровями разгладились, а Барон Коэн радостно развёл руками

— Вот, видите…

— Однако, вы просили о компенсации. Мари — девочка новенькая, сегодня её первый день, и несмотря на это, вы так резво принялись с ней бодаться. Вам так желается по пустякам ссориться с Латрей? — старший знал, Рудэус Коэн последователь папы а не кардинала, и особо с Латреями не пересекался, однако это не меняло той картины шаткого баланса, где вот такие вот курьёзы могли стать причиной всей лавины.

Директор не защищал Мари, он защищал баланс, каким бы странным он ни был. Пока Директор Арс ещё на посту и дышит, скрытая война его совершенно не касается, но стоит этому балансу пошатнуться, как пойдут открытые действия.

«Мне хотелось бы дожить свою жизнь, а там — будь что будет». Подобным образом мышления старик мог бы выкопать себе спуск в ад.

— Вы так говорите, словно она что-то в семье значит.

— Возможно да, возможно нет, — Арс помнил тот обед, который ему перепал с Клэр. Дама тогда в первую очередь просила за прямого наследника — Нилрема, и уже после, словно они были и вовсе не нужны, за маленькую бастард и подругу наследника. Так что в голове директор знал, кто важен, а кто нет, однако ему нравилось растягивать процесс разбирательств. — На вашем месте, достопочтенный Барон, я бы ограничился предупреждением. Устным.

— Это шутка? Моя девочка вон какая перепугана сидит, — как в запоздалом цирке, когда трюк с магическим появлением не удался, взмахнувший ладонью на дочь, Барон, продела это слишком быстро, та не успела сменить беззаботное лицо на грустное и первые три секунды, глупо хлопала веками, смотря на лица ожидающих «магического представления» старших.

— Хнык! — этот фарс ещё и продолжили, когда позор мог выдержать один отец, дочь решила вжиться в роль бедняжки, выкинутой на дорогу жизни.

Мари прыснула в кулачок, закрыв от мира свои глазки, бесстрастное лицо секретарши дало трещину, а директор подивился, вылупившись, словно впервые в жизни увидел старое мифическое существо. Подобная вытянутость лица не прижилась надолго, пошёл некроз, когда голову старику Арсу пленило некоторым количеством мыслей.

«Вот в мое время, Бароны были умнее…»

Убрав руку от собственного чада, Барон Коэн подивил всех своим обожженным лицом, да и руку он убрал резко, как от огня пряча. Развернулся в кресле, подавая голос кашлем.

Тем самым, пытаясь найти у постояльцев понимание ситуации с его сугубо личной стороны.

— Я не против извинений, устных, — как бы приняв положение свое ущербное, мужчина опустил к полу как нос и подбородок, так и собственные могучие плечи.

— Даже не знаю… — директор вновь решил освежить вкус, хватая чашу.

Здесь и сейчас, случился форс-мажор, нет «фарс-мажор», об который не грешно тыкнуть и самого Барона, учитывая полноту власти директора школы. Арс считался слегка ниже герцогов, учитывая его знания и опыт в решении множества категорий вопросов и проблем.

Даже вечно хладнокровной секретарше, которая всю эту игру вела на стороне Барона — члена фракции Папы, было сложно чем-то крыть его.

Женщина привлекла всеобщее внимание одним жестом: поднялась из кресла. Коривший себя Коэн Рудэус, плавным движением густой брови сдвинул переживания на второй план, по новой оценив пышные достоинства секретаря. Словно ощутив на себе взгляд, дама тут же брызнула громким «Ц», тем самым отвадив от себя любые неправомерные взгляды. Она быстро обошла стол, склонив губы к старческому уху.

— Достопочтенный Арс, я думаю, лучше сойтись на устных извинениях. Дочь Барона из второго потока, в то время как девочка Латрей из первого.

Как можно было догадаться, Миранджа не ставила между первым потоком и вторым знак равенства. Как-то, подобная деталь все время пробегает между учениками, проникала незаметной простушкой в разум, простой ненавязчивой идеей. Тенденция эта явилась в мир не год и не два года назад, однако ж, ранее, ей никто особо не уделял внимание в той мере, в которой сейчас упомянули. Между первым потоком и вторым, взаправду, мало различий, по крайней мере для учителей, ведь слова которые звучали на лекциях, одни и те же.

Однако, первый поток, за глаза, при тусклом свете одной щепки вымоченных в жире опилок, называли «потоком слуг», в то время как второй являлся «потоком господ». Никто и никогда всерьёз не воспринимал, и не будет воспринимать подобные шалости пущенного много лет слуха, и все же, спустя столько времени, то тут, то там, непреднамеренно уроненное слово, как обидный тычок от лучшего друга, товарища, вроде и мелочь, но помниться в сердце. Так что, негласная примета не давала высшей знати пускать детей на первый поток, а низшей отправлять отпрысков на первый, сторожась несоответствия во власти.

Директор Арс осознал ценность такой умной секретарши, которая по всей видимости знала, что девочка Мари не столь большая рыбина, чтобы за неё бодаться с целым Бароном. Неосознанно кинув взгляд на вышеназванную девочку, директор со вздохом махнул подбородком:

— Барон Коэн Рудэус, мы с моей верной помощницей посоветовались, и пришли к выводу, что устное извинение имеет место быть.

— Вот и отлично, — однако ж, темные глаза мужчины ничего отличного здесь не видели (за исключением конечно же секретаря Миранджи).

Согласовав нарушение и его наказание, дело оставалось за самой малой крайностью, за исполнение взялся лично директор, поманив Мари рукой.

— Девочка моя, подойди ко мне.

Особого понимания в алых глазах не отразилось, что очень сильно не понравилось старику Арсу.

«Она нас не слушала?» Мысли вели его в правильном направлении, ведь Мари взаправду не особо вслушивалась в разговор старших, считая его неважным, как, впрочем, и всегда. Она редко, когда, за время путешествия брала активное участие в планировании, больше из-за

силы возраста и недостатка критического мышления, и все же, ей не давали повзрослеть. Большую часть инициативы на себя сложил Нилрем или же Роулз — последние полгода, это была Лили. Простодушность в подобных делах мирских, ей казалась нормой.

Зарывшись в собственные мысли, Мари только и видела беззаботную дочь Барона, которая её подставила.

Потому, оказавшись рядом с директором и услышав его просьбу: «Извинись перед Бароном Коэном Рудэусом и его дочерью. После, можешь быть свободна», ей словно в голову прошептали настоящее слова откровения. Мари застыла, смотря на свою обидчицу, уже поравнявшуюся с папой. Приподнятый подбородок, снисходительный взгляд, и летняя улыбка на лице, вот какой предстала дочь Барона Коэна.

«Она должна предо мной извиняться!» слова директора вызвали бурю негодования, отрицания, подлинного высокомерия, но что главное, проявлялись в этом водовороте и нотки дежавю.

Вольная птичка, не будет сидеть в клетке, прикованная цепями. А была ли она изначально вольной?

Поджав губы в тонкую полоску цвета да опустив глаза к полу, Мари дрогнула, за ней дрогнули и её шикарные хвостики.

«Мои ноги…», легкое наваждение нашло на барышню, и подобало стае голодных псов, которые съели её ноги по самое основание, оставив изуродованные огрызки. Как безвольная птичка без своих крыльев, так безвольна и Мари, без своих ног.

Ладони коснулись родных и так знакомых частей тела.

— Мари, что с тобой? — прозвучал женский голос, более требовательный, чем того требовала ситуация. Директор сразу же заткнул женщину одним взглядом. В обычной обстановке, он позволял ей многое, но здесь было что-то иное.

Старик чувствовал и видел, в дрогнувшем ребенке, в его горящих глаза, непомерную непокорность. По годам знающий, этот взгляд из-под лба, старик быстро осознал, Мари извиняться не будет. Он собирался как-то выправить тишину, которая образовалась на малые пять вдохов, однако этого не потребовалось, поскольку Мари выпрямилась.

— Искренне прошу прощения.

Глаза её не отражали свет, а улыбка, казалось, искривляет само пространство-время. Как новенькая игрушка для девочек, Мари оказалась до боли странной. Куклу с подобным выражением лица, не купил бы даже коллекционер, явись она ему на глаза единственным уцелевшим экземпляром именитого на весь мир мастера. До того, подобный лик девочки вносил смуту в сердца окружающих.

— Д-да, — слегка запоздало ответила дочь Барона, протягивая Мари руку. — будем дружить.

— Не будем ссориться, — Мари пожала её в ответ.

На этом, лёгкая интрижка лорда Барнса, которого здесь нет, но который косвенно повлиял на эту встречу, должна была закончиться, все её участники разойтись, а пьеса окончиться, указав в конце жирную точку, о, там стояла semicolon (точка с запятой);

Уйти успел барон и его дочь, пуская их первее себя, им (вполне вероятно) было даровано спасение. Распрощавшись с директором, который Милисом клялся приступить к треклятой работе сразу после легкой трапезы, из кабинета вышла и учительница, за которой шла Мари. Сегодня ей даровали правду, о которую она рано или поздно должна была оступиться. Привитое ей самомнение никак не могло помочь с сегодняшним инцидентом, вместо этого, её опустили с головой в прошлое, которого девочка предпочла бы не знать вовсе. Её силы как мага, далеко не такие впечатляющие, как у того же Нилрема, она не тот талант, которому даётся все за малые усилия, и все же, ей до сих пор удавалось удерживать в душе свою гордость как ученицы Нилрема Грейрата. Как только его не стало, блестящие глаза Мари, под натиском обстоятельств возвращали свою былую мрачность.

И учительница, и ученица прошли, не дальше пяти метров, как узнаваемый каблук Миранджи начал медленно удаляться от уха девочки. Она до того замкнулась в себе, что не заметила, как её взяли за руку и потащили с собой. Кто это был?

Ответ лежал по ту сторону двери, вновь в кабинете директора. Антракт закончился, а добрый «дедушка» улыбнулся.

— Мальчик мой, тебе что-то нужно?

Подняла голову и Мари, зажглись огни в её тлеющих глазах, и тихое в идее слово:

— Учитель…

Получилось вовсе не тихим.

http://tl.rulate.ru/book/84638/3392237